

Тува (экспедиция 1986 г.)

4/VIII

Сбор был назначен на 6 часов вечера, в университете, в лаборатории Кибрика. Все экспедиционные вещи были уже упакованы, набралось штук пятнадцать «общественных» рюкзаков и коробок. Я в этом году был замотан и ни в упаковке, ни в других подготовительных мероприятиях (доставании продуктов, предварительных собраниях и инструктажах) участия не принимал.

Был заказан автобус, который повезет нас в аэропорт. Когда я пришел, он уже стоял внизу. Работал только один лифт, останавливающийся на четных этажах, а лаборатория – на 9-м. Все студенты были на месте и таскали вещи с девятого этажа на восьмой, к лифту.

Вскоре пришел Сандро. Спустили вещи вниз, погрузили в автобус. К этому времени подошел Кибрик, а потом и Ира. Студенты остались внизу, а мы поднялись наверх и выпили чаю на дорогу.

Выехали в половине восьмого, а в половине девятого были уже в Домодедово. Наш рейс – в 23.10, регистрация в половине десятого. Подтащили вещи к стойке регистрации. Час ожидания.

Кроме нас, летит еще одна группа – туристы в одинаковых зеленых майках, на которых что-то написано стилизованными буквами. Спрашиваем – они из Литвы, будут сплавляться по реке Улуг-О, название реки и написано на их майках.

Объявляют регистрацию. Выясняется, что нет одной из студенток, Марины. Ее провожал молодой человек, и она спросила у Кибрика, нельзя ли погулять. Мелкое недопонимание – не фиксировали точно время. Сдаем пока все вещи, кроме ее рюкзака. Кибрик идет платить за излишки багажа (225 кг – 200 руб.). К десяти приходит и Марина. Сдаем и ее рюкзак.

Паспортный контроль, досмотр. В моем билете я значился как Борцов – лаборантка, составлявшая заявку, неправильно расшифровала мою фамилию. Но никто не сверяет билет с паспортом.

Посадка. Минут сорок сидим в самолете. Наконец взлетаем. Экспедиция началась.

23-я экспедиция

Еду я опять в экспедицию с Кибриком и Сандро. Это их 23-я экспедиция. Первая была 18 лет назад, в 1968 году, в Дагестан (кажется, и все остальные, кроме трех камчатских, были туда же), в некоторые годы они умудрялись проводить и по две экспедиции. На этот раз – в Туву.

Я спрашивал у Кибрика – почему в Туву? Говорит – нелегко четко ответить. Прежде всего, давно туда собирались, еще 15 лет назад. В этом году нужно было выбирать, куда ехать. С Дагестаном покончено. Он предлагал Абхазию – языки, близкие к дагестанским. Но Сандро восстал, ему Кавказ надоел. И сошлись на Туве.

Язык – совсем непохожий на те, которыми они занимались, интересно попробовать. И край очень уж привлекательный.

Экспедиция – 13 человек: Кибрик, Сандро, Ира Муравьева, Тенька с Мирой, 7 человек студентов (Оля Федорова, Люда Зосимова, Ира Смышляева, Таня Раскатова, Федя Рожанский, Марина Филипенко, Леня Куликов) и я.

Я, как только услышал про Туву, сразу же захотел поехать. Хотя что я про Туву знаю? Прежде всего, у меня, как и у всех моих сверстников, детское воспоминание – тувинские марки. В конце войны и первые годы после нее это были почти единственные «заграничные» марки. И какие! Большие, необычной формы – треугольные, ромбические. На них лошади, всадники. И загадочная страна – Тува, где-то у черта на рогах.

Сейчас про Туву слышно, что это туристский рай. *) Нетронутая природа, мало людей. Больше всего туда, правда, едут водные туристы, как эти литовцы на Улуг-О. Оказалось, что один из наших отшельских программистов, Кирилл Хазановский, уже несколько лет ездит туда, и в этом году едет, они тоже будут сплаваться по Улуг-О. Он в восторге от Тувы. И Сима Никитина ездила в Туву к своим старообрядцам, и тоже в восторге. И еще там петроглифы, руны. В общем – нельзя не ехать.

Тувинский язык – тюркский. Какие у него ближайшие родственники – еще не знаю. Перед отъездом успел просмотреть пару книжек про Туву. Одна – туристическая, не слишком содержательная. Другая – «Древняя Тува» Л.В. Кызласова, археолога, который много лет там копал. Это, по сути дела, отчет о его раскопках, весьма специальный. Но какое-то впечатление дает. Кто только не жил там раньше (часто, впрочем, неизвестно, кто, собственно, оставил те или иные курганы, могилы). Там была какая-то Уюкская культура, оставила громадные каменные курганы, метров по 100 с лишним в диаметре, высотой в несколько метров, с каменными стенами вокруг. *) Потом были саки, гунны, уйгуры, монголы. И всегда, видимо, была какая-то смесь, много разных народов.

В начале весны мы с Кибриком и Сандро ходили к Диме Васильеву. Он – специалист по руническим надписям, которые находят в Туве, работает в ИВАНе, ездит в Туву по нескольку раз в год. Наговорил он нам много страстей – и стреляют там в русских (в Западной Туве), и сифилис там бытовой и т.д. Показывал слайды, советовал ехать в степную Туву – сам он степь любит.

На неделю раньше нас на разведку уехали Тенька с Мирой. Их задача – выбрать место для экспедиции. Обсуждалось два основных варианта – Тоджинский район (северо-восток Тувы) и Ак-Тал, к юго-западу от Кызыла. Перед самым нашим отъездом Кибрику позвонила Мира – они выбрали поселок Ий, в Тоджинском районе. Едем туда.

5/VIII

Прежде всего, целую ночь и полдня летели (летим-то навстречу солнцу – и оно быстрее движется). Самолет делает посадки в Свердловске и Абакане. Везде высаживают. Стоянка в Свердловске – минут 50, в Абакане – больше полутора часов. Непонятно, почему так долго. И зачем вообще нужна посадка в Свердловске. Туда и так полно самолетов, а на Кызыл и Абакан и так много желающих, а до Абакана можно и не заправляться.

Лететь ночью девять часов с двумя посадками очень утомительно. Вместо сна дважды кормят не слишком аппетитной едой.

В Свердловске ночью было 12 градусов, в Абакане утром – 20. В Кызыле, когда мы прилетели, – 15 градусов и дождик моросил. Саян из окна мы не увидели – облака.

В аэропорту нас встречала Мира с автобусом, заказала его в автотранспортном предприятии. Были забронированы уже и места в гостинице – ночевать нужно здесь, «Заря», которая повезет нас в Ий по Бий-Хему (Большому Енисею), отправляется завтра утром.

Из аэропорта прежде всего поехали на рынок – купили капусту, лук, огурцы, кабачковую икру и повидло у государства и картошку у частных (ее продавали по 5 руб. за ведро, но Кибрик выторговал три ведра за десятку).

Пока он торговался, я стал участником такой сцены. На рынке была палаточка, торговавшая хозтоварами. Когда я был около нее, ко мне подошел человек с мутными глазами (русский) и попросил – «геолог, купи клею» (в геологии он меня зачислил из-за штормовки). А клей БФ по 60 коп. флакон, видимо, пользовался большим спросом у такого рода личностей, но им его не продавали. Как они его употребляли, не ясно, но ясно, что употребляли. Я купил ему флакончик. Через минуту подошел другой, уже тувинец, но с такими же глазами и с той же просьбой. Я отказался, сказал, что только что

покупал – он понял этот аргумент. Трезвый образ жизни далеко зашел. [1]

После рынка поехали на пристань – отвозить вещи. Дело в том, что на этой «Заре» почти нет места для багажа, а у нас его много. Поэтому была идея сегодня же загрузить эту «Зарю», да и в гостиницу не тащить нашу гору вещей, тем более что ни вечером, ни завтра у нас этого автобуса не будет.

Приехали. Почти сразу же пришли и две «Зари», которые завтра пойдут в Тоора-Хем, мимо нашего Ия (одна рейсовая, другая – туристическая, туристов в Тоора-Хем возит). Но они должны были еще ехать заправляться и пришлось оставить вещи на дебаркадере в комнате дежурного.

После этого – в гостиницу. Хотя места нам были уже забронированы, сама процедура оформления и выписывания квитанций заняла чуть ли не час, а может быть, и больше.

Потом, оставив студентов, поехали в тутошний академический гуманитарный институт (НИИЯЛИ – НИИ языка, литературы и истории, что-то вроде знаменитого новосибирского СИФИЛИСа – Сибирского Института Философии, Литературы и Истории). Это, в основном, визит вежливости в отдел языкознания, который помогает нам всякими бумагами с печатями для бронирования гостиницы, билетов и пр., и пр.

Из института – в кассу аэрофлота за обратными билетами, которые тоже были забронированы. Дело в том, что в Москве Кибрик почему-то не стал заказывать обратные билеты. А когда их стали покупать за 30 дней, то в кассе было всего 5 билетов на 30/VIII. Я накануне купил себе билет на 28/VIII.

Тут после некоторых препирательств с кассиршей («нет на вас никаких заявок») и обращений к диспетчерше, взявшей накануне у Миры эту заявку, билеты дали (в очереди минут сорок мы постояли). Заодно и мой билет обменяли – так проще, возвращаться всем вместе, в одной упаковке – назад дорога сложная, с заездом в Тоора-Хем, бронированием двух гостиниц, в Тоора-Хеме и Кызыле.

После кассы – обедать, гостиничный ресторан тут работает, как приличная столовая самообслуживания. После обеда – на пристань, чтобы перенести вещи с дебаркадера на «Зарю». Но на этот раз «Заря» была, а хозяина дебаркадера не было, придется грузиться утром.

Вернулись в гостиницу, попили чаю – и спать, в 10 часов вечера (это мы, «взрослые», студенты всеми этими делами не занимались, а ушли в кино на какой-то французский фильм).

В нашем номере, видимо, недавно морили насекомых, и дико воняло какой-то гадостью. Вселившись, мы открыли окно и держали его открытым всю ночь. Вонь все равно чувствовалась, но можно было жить. Тем более что предыдущую ночь мы не спали – заснули сразу.

Небольшой комментарий к карте Тувы

В Туве начинается Енисей. Кызыл – столица – расположен у слияния двух его истоков – Бий-Хема (по-русски Большого Енисея) и Каа-Хема (Малого Енисея). Слившись, Бий-Хем и Каа-Хем образуют Улуг-Хем (Верхний Енисей). *Улуг* – по-тувински большой, *хем*, как нетрудно догадаться, река, а *бий* и *каа* просто топонимы (точнее, гидронимы), что и на каком языке они значат – неизвестно (по крайней мере, мне не удалось узнать).

Высота Кызыла над уровнем моря – метров 600, Тоджинской котловины, точнее, Ия, Тоора-Хема – больше 1000 метров.

6/VIII

Подъем был в половине шестого. Все пошли в номер к Мире пить чай и перекусить, а я – на пристань, занимать очередь в кассу. Там уже была компания туристов. Они очень обрадовались мне – а то они «зря» сидели с пяти часов. Их четверо, с большими

рюкзаками и упакованными лодками. Едут они в Сейбу, это на полпути к Тоора-Хему. Вообще тут билеты продают заранее, но вчера кассирша болела, и касса не работала.

Подожли еще люди – семейство из Кузбасса, едущее, видимо, в гости куда-то за Тоора-Хем. Вскоре и наши пришли. И много другого народа.

Пришел хозяин дебаркадера, открыл помещение, где наши вещи лежали, выгнал всех, кроме нас и детей, с пристани, и мы начали таскать вещи на «Зарю» и укладывать их там. Мелкие коробки – под лавки, большие коробки и рюкзаки – в единственный небольшой угол-закуток, впереди слева, перед первой лавкой (справа на таком месте кассирша сидит). Несколько рюкзаков – на крышу, там есть небольшой козырек, под него.

Но скоро пришел помощник капитана и выгнал нас. При этом он сказал, что уже продано (видимо, позавчера и раньше) 57 билетов (а на «Заре» 62 места), и прежде всего он посадит всех с этими билетами, а потом уж будет разбираться с нами.

Кибрик начал его обрабатывать, демонстрируя свои мандаты. В это время действительно стали подходить люди с билетами и занимать места. Но вещи наши уже на «Заре», места заняты, как-нибудь уедем.

Пришел капитан. И скоро нас пустили. И даже кроме нас еще несколько человек из очереди, уже не знаю, по какому принципу. Во всяком случае, туристов, за которыми я занимал, не посадили, а семейство из Кузбасса ехало с нами.

Ехали долго, с восьми до половины пятого. И это еще гораздо быстрее, чем по расписанию, по нему мы должны были приплыть в 7 вечера.

Река очень красивая. Сразу же за Кызылом берега становятся крутыми, начинается хребет Обручева, отгораживающий Тоджинскую котловину с запада, Бий-Хем его разрезает. И где-то в сотне километров выше Кызыла, в районе гребня этого хребта – порог. Бурлит здорово. Раньше пассажиров высаживали, и они шли пешком некоторое расстояние, а «Заря» преодолевала порог пустая. Теперь какие-то камни взорвали и никого не высаживают. Но и сейчас «Заря» довольно сложно маневрирует, капитан все время крутит руль. Говорят, что на дне лежит несколько затонувших катеров.

После порога горы постепенно становятся ниже и уже не всегда примыкают к самому берегу. Остановок мало. Людей на берегах почти не видно, особенно в первой половине пути.

Приехали в Ий. Тенька нас встречал, и не просто встречал, а с машиной, за рулем которой сидел сам директор школы, он там заодно преподает автодело. Выгрузились, погрузили наши вещи на грузовик и поехали к школе. До нее примерно с километр, но с нашим грузом на машине проще.

Школа большая и необычной формы. Она напоминает гигантский катамаран – два двухэтажных здания, соединенные одноэтажным переходом. Крыши у зданий двускатные, но ближе к одному торцу они переходят в плоскость, повышающуюся к этому торцу – что-то напоминающее кинотеатр «Россия». В этих торцах на втором этаже залы – спортивный и актовый. Одно из зданий готово, а второе достраивается. Все из дерева – из бруса, обшито досками. Доски некрашеные – светлая древесина (лиственница), покрыта лаком. Выглядит неплохо, по крайней мере необычно, самое заметное строение в поселке. Все остальные дома одноэтажные.

В нашем распоряжении шесть комнат – классов: для девочек, для мальчиков, для Теньки с Мирой, для «начальства» – Кибрика, Сандро и меня, к ним примкнувшего, кухня-столовая и комната для занятий с информантами.

Дали нам кровати – металлические, с пружинными сетками, матрацы, подушки, одеяла и постельное белье. Все это благодаря тому, что при школе есть интернат (одноэтажное здание рядом со школой). Как нам потом объяснили, там живут сироты и дети оленеводов, которые кочуют с оленями далеко от Ия.

Устроились, пошли купаться на Бий-Хем, туда, где в него впадает Ий-Хем. Ий – маленькая речка, глубиной по колено, шириной – метров 8–10. Течение быстрое, вброд переходишь – ноги не без труда переставляешь. А ширина Бий-Хема здесь – метров 70–

80, течение тоже очень быстрое. В Ие вода сравнительно теплая, а в Бий-Хеме – холодная. Купаться лучше там, где в Бий-Хеме ийская вода течет. Переплывать Бий-Хем тут страшно – и из-за течения, и из-за температуры.

После купания продолжали устраиваться, девочки готовили ужин. За ужином Кибрик держал речь, но говорил чуть меньше Горбачева. После ужина он опять говорил, но уже о работе, кто, что и как будет делать. Собственно, программа работы для каждого была определена уже раньше, у каждого студента своя тема. На этот раз основная задача – синтаксис, каждый занимается какой-то конструкцией (залог, каузатив и т.д.). Сандро в основном будет заниматься фонетикой. Кибрик каждый день будет проводить «производственные совещания» – обсуждать со студентами, что сделано, какой план на следующий день, какие проблемы уже возникли и т.д. Все студенты в экспедиции первый раз, опыта у них нет. Завтра – первое, установочное занятие с информантами. Информанты – как обычно, учителя школы. Тенька уже договорился с директором.

И бытовая часть была уточнена. Распорядок дня – подъем в 7, завтрак – в 8.15, начало работы – в 9, отбой – в 11 вечера. Каждый день дежурят по два человека, дежурство начинается с обеда (и заканчивается после завтрака).

Тоджинский район

Ий расположен в Тоджинском районе Тувы, на северо-востоке. Район имеет четкие географические границы – это Тоджинская котловина, окаймленная с севера Саянами, с запада и юга – хребтом Обручева, а с востока – еще каким-то хребтом. Котловина – гористая, масса озер, рек – Бий-Хем и его притоки. Горы и долины – все покрыто тайгой.

Как писал Искандер, любимое занятие некоторых наших соотечественников – считать, сколько иностранных государств уместится на карте любимой Родины. Так вот Тоджинский район – чуть больше Швейцарии. А живет в этой «Швейцарии» – чуть больше шести тысяч человек, и большинство из них – около столицы района, Тоора-Хема. В районе всего шесть сельсоветов и все они обозначены на карте. Других населенных пунктов на карте нет, и я не знаю, существуют ли таковые (не считая «пригорода» Тоора-Хема – Салдома).

Население смешанное. Есть чисто тувинские поселки типа Ия, есть русско-тувинские – как Тоора-Хем, Адыр-Кежиг. Туву в конце прошлого века и в начале этого активно «осваивали» старообрядцы.

«Заря» ходит раз в день от Кызыла до Тоора-Хема, мимо Ия, который ниже Тоора-Хема на 13 км. Единственный вид транспорта, кроме «Зари» – это самолет («аннушка») Кызыл – Тоора-Хем. По расписанию он летает каждый день, но из-за погоды (дожди, туманы – над перевалом это часто), большая часть рейсов отменяется. Грузы доставляют либо на баржах, либо по зимнику. Летних дорог до Кызыла нет («местные» дороги, например, вокруг Тоора-Хема, конечно, есть, из Ия в Тоора-Хем даже автобус ходит раз в день).

Считается, что в районе свой, тоджинский диалект тувинского языка, больше, чем другие говоры, отличающийся от «центрального» диалекта. Есть даже книжечка об этом диалекте^{*}. В ней сказано, что он сложился из говоров живших здесь раньше «лесных» и «речных» тувинцев. «Лесные» – это олениводы, кочевавшие в тайге. «Речные» тувинцы жили сравнительно оседло по берегам рек и занимались охотой и рыбной ловлей. Во время коллективизации в 1949 г., через пять лет после присоединения Тувы к СССР, их всех собрали вместе, организовали в колхозы и совхозы и поселили в специально построенных для них поселках. Ий – один из таких поселков. В лесу, далеко от поселков, и сейчас пасут оленей, но они уже принадлежат совхозам. Дети олениводов живут в интернатах в поселках.

Первый рабочий день. Подъем, по случаю вхождения в норму, в 8 утра. Умывание, купание. Почти все бегали на Енисей (русская привычка – переходить на знакомые названия).

После обеда решили пойти в лес. Но, как всегда, когда много народу, медленно собирались. К тому же были мелкие неполадки. На кухне погас свет, и электроплита вырубилась. Пробки. Выясняется, что щиток закрыт на ключ, и добраться до него трудно. Лестничная площадка, на которой он расположен, только что покрашена – пол, косяки, двери и т.д. Но электрики с Тенькиной помощью решили эту проблему, взломав щиток и не побоявшись вымазаться.

Вышли часов в пять. Дошли до ближайшего лесочка – по направлению к сопкам. Там почему-то много мусора, даже кузов «Запорожца» валяется, старая лодка какая-то. В общем, захламлено не хуже, чем у нас в Строгино. Грибов почти нет, ягод тоже.

Вдруг – гроза стала надвигаться. Публика повернула домой. Я прошел было чуть дальше, там моховиков и сыроежек было чуть больше, но дождь и в самом деле начал накрапывать, и я повернул домой. По дороге он прихватил меня уже всерьез.

Ужин. Кибрик назначил на 22.00 свой доклад о системе глагола. Тенька с Мирой и Сандро пошли на речку порыбачить. Мне уже не хотелось вылезать – штормовка мокрая. Рыбаки вернулись пустые.

В 10 вечера, как и было обещано, доклад Кибрика о тувинском глаголе. По сути дела он построил что-то вроде программы или формального исчисления всех форм. Программа не очень простая и, видимо, не вполне отлаженная, но в целом, наверное, правильная.

Выслушали его, и спать всем захотелось. Поздно.

Тувинский язык и его описание

Как я уже писал, тувинский язык – тюркский. В журнале «Знание – сила» за 1985 г. я нашел статью А.Милитарева, а в ней – «ностратическое» дерево языков. На этом дереве тувинский язык – это веточка, расположенная в одном кусте с горноалтайским, хакасским, тофаларским и шорским языками.

Автор пишет, что дерево он нарисовал, консультируясь со всеми главными ностратиками – Дьяконовым, Дыбо, Ивановым, Старостиным и т.д. Нужно сказать, что не все тюркологи признают даже алтайскую гипотезу, не говоря уже о ностратике. Но все равно, дерево дает представление о родственниках тувинского языка. Кибрик и Сандро говорят, что язык сравнительно неплохо описан. Есть грамматика Исхакова и А.А.Пальмбаха, тувинско-русский и русско-тувинский словари. Так что ситуация здесь совсем не та, что была в предыдущих экспедициях, в Дагестане или на Камчатке. Там языки, которыми они занимались, либо совсем не были описаны, либо были описаны плохо. И они начинали все с самого начала – с фонетики, морфологии – описания падежной системы имен, системы глагола и т.д. Занимались подробно и синтаксисом, особенно для некоторых языков. Но главной задачей в Дагестане у них было составление словаря – 1000 специально отобранных слов для всех изучаемых языков. К тому же там почти все языки, которыми они занимались, были бесписьменными.

Здесь же описания – по крайней мере фонетики, морфологии – есть. Но они, хоть и неплохие, заведомо неполные. Так, Сандро довольно быстро нашел интересные (и не описанные) вещи в фонетике, Ира Муравьева предложила описание глагольной системы несколько иное, чем то, что извлек Кибрик из грамматики и т.д. А синтаксические конструкции вообще почти не описаны. Главная задача экспедиции (по крайней мере, официальная) – учебная. Для студентов это прекрасная практика: «руками» писать грамматику, ощущать, как это, вроде бы, и легко – иногда что-то быстро ложится в схему, и в то же время мучительно трудно – ложится, да не совсем и не все, один информант

говорит так, другой по-другому.

Тувинским языком занимались два ярких человека – профессор Казанского университета Н.Ф.Катанов, который провел несколько месяцев в Туве в 1889 г., и профессор А.А.Пальмбах, проживший в Туве почти половину своей жизни.

Николай Федорович Катанов (1862–1922) – первый исследователь тувинского языка [2]

Это был, видимо, замечательный человек. Хакас по национальности, он рано лишился родителей, жил у дяди, богатого, но малограмотного человека. Кто-то заметил мальчика – послали в Красноярскую гимназию. Закончил с золотой медалью. Поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. Почти сразу же после окончания его послали во главе небольшой экспедиции в Сибирь и Урянхайский край (Туву), русский и китайский Туркестан для изучения тамошних языков – тувинского, тофаларского, уйгурского. Экспедиция длилась три года. В Туве он был с 15.03 по 28.08 1889 г., проехал 700 верст.

Побочный результат экспедиции – обещанное ему профессорское место в Петербургском университете было уже занято. Едет в Казань в 1884 г., становится профессором турецко-татарского языка и арабско-персидской словесности, 25 лет работает в этой должности. Магистерскую и докторскую диссертации защищает, будучи уже профессором – в 1903 и 1907 годах, тогда были, видимо, другие порядки. Его магистерская диссертация – это как раз описание тувинского языка, основной труд его жизни: «Опыт исследования урянхайского языка» (Тува раньше называлась Урянхайским краем). Она издана в Казани в 1903 г.

Секретарь, а затем председатель Общества истории, археологии и этнографии (члены – И.Бодуэн де Куртене, В.Радлов, П.Васильев, Г.Потанин).

Изучает историю Булгарского царства. Пишет еще несколько монографий:

- Сравнительная грамматика тюркских языков (50 живых и мертвых наречий),
- Образцы народной литературы тюркских племен (в 2-х книгах).

Организатор восточного факультета при Казанском университете, его декан. В 1919 г. почему-то уходит в отставку.

До Катанова про тувинский язык почти ничего не было известно. Не знали даже, к какой группе он принадлежит. «Исследовав урянхайский язык, я пришел к выводу, что урянхайцы на всем пространстве от Булуна до Джир-Джарина говорят на одном и том же языке, лишь с самыми слабыми отклонениями. Кроме того, я нашел, что исследованные мною урянхайцы говорят вполне по-тюркски. Что же касается урянхайской фонетики и морфологии, то они всецело тюркские ... не нашел остяцких, самодийских или финских слов». Труд его включает «Указатель урянхайских слов», занимающий 278 стр. и содержащий 6000 корневых и производных слов.

Его экспедиция была чуть посложнее и поэкзотичнее нашей. Гостиниц, школ (и просто домов – на большей части территории) в Туве не было. «Заря» по Енисею не ходила. Тем не менее он и в Ие был. Но в каком-то смысле он был лучше подготовлен – будучи хакасом и зная тюркские языки, он, видимо, мог понимать тувинцев, по крайней мере обходиться без переводчиков.

Добавление 1999 года

То, что я прочитал тогда о Катанове, произвело на меня сильное впечатление. Уже после я прочел еще несколько статей о нем и книжечку: И.Ф.Кокова. «Н.Ф.Катанов. Документально-публицистическое эссе». Абакан, 1993. Видимо, на всех, кто занимался его биографией, этот человек, его судьба – все производило необыкновенное впечатление.

Я и дневник тогда не закончил, так как хотелось написать о нем подробнее. Уже не напишу. Да и зачем пересказывать другие книги. Но не удержусь – хоть некоторые

детали.

Такой хакасский Ломоносов. Удивительно способный и работоспособный. Европейски образован. Абсолютно предан науке. Замечательный человек. И – инородец. Нелегко было быть инородцем даже в, казалось бы, интеллигентной университетской среде. Как-то за человека не все готовы были считать. В Петербургском университете не оставили профессором. И в Казани сделали экстраординарным профессором – это значит, что половина зарплаты и никаких обязательных курсов. Так до конца жизни и был экстраординарным профессором.

Результаты своей экспедиции – «Опыт исследования урянхайского языка» – он издает только в 1903 г. (раньше она выходила отдельными выпусками). В библиотеке Казанского университета я держал в руках этот труд – два толстенных тома, великолепно изданные. Не знаю, как тогда издавали – шрифтов ведь масса. Видимо, гравировали. Не знаю, какой был тираж. Продано было 3(!) экземпляра.

Собрал массу уникальных коллекций. Основал этнографический музей в Духовной академии, заведовал отделом городского музея. Коллекции исчезли при советской власти.

Собрал богатейшую библиотеку по тюркским языкам. Предлагал ее нескольким российским университетам. Не взяли. В 1912 г. библиотеку купил турецкий премьер-министр, специально приехавший за ней в Казань.

Революция. Холод, голод. Умер в 1922 г. – простудился, плеврит, потом «удар».

В советское время из таких людей-самородков любили делать иконы. Из Катанова не сделали. Чем-то он «не соответствовал». Ему вообще хотелось быть добропорядочным членом общества. В смутные годы к нему как-то пришли студенты и потребовали денег «на революцию». Этот мягкий человек достал револьвер и велел им убираться.

А еще он работал цензором. В основном – литературы на татарском языке. Власти попросили. Он тяготился этой работой – сил и времени отнимала много, а денег платили мало. Но работал из чувства долга. Как-то он «цензурировал» революционные стихи Габдуллы Тукая – и не рекомендовал их к печати. Хотя вообще неплохо относился к этому талантливому поэту. А вот из Тукая после революции сделали икону – революционный поэт, да и умереть успел до революции. И вот по этой причине – «цензорской» – Катанова долго числили реакционером. И только недавно о нем «вспомнили». Сейчас университет в Абакане носит его имя.

Но вот читает ли кто-нибудь сейчас его труды – не знаю. Боюсь, что из участников нашей экспедиции я один держал в руках его «Опыт исследования урянхайского языка». Но я-то не занимался изучением тувинского языка.

Подготовка к экспедиции

В прошлом учебном году Кибрик с Сандро вели «информационный» семинар (цель – построение модели диалога с информационной системой, на примере службы 09). В конце зимы на этом семинаре они объявили, что летом готовится экспедиция и организуется специальный семинар по полевой лингвистике. Всем желающим раздали анкету. Вопросы в основном касались приспособленности к полевой жизни – бывал ли в походах, что умеет готовить, как носит тяжести, что ест – чего *не может* есть, как родители относятся к экспедиции и т.д. Записалось человек пятнадцать. Они хотели отобрать человек пять, отобрали шесть. Учитывали ответы на анкету (одна девочка призналась, что не любит жир в супе – сразу «отсекли») и прочие данные. Мальчиков записалось всего двое – обоих, конечно, взяли. Иру Смышляеву сразу решили брать – за характер, в экспедиции такие люди нужны. Люду вначале решили не брать – она попросилась ходить на семинар дублером, ее взяли седьмой, за настойчивость.

На семинаре Кибрик рассказывал о методике работы, велел всем читать свою книжку по полевой лингвистике. Сандро говорил о фонетике тюркских языков, Кибрик – о падежной системе имен. Всем студентам (а также Мире с Тенькой) дали темы, которыми

они будут заниматься в экспедиции – каждый будет заниматься какой-нибудь синтаксической конструкцией (залогом, каузативом, сложным предложением и т.д.).

8/VIII

Проснулись – за окном туман, моросит, прохладно. Сандро и Кибрик купаться не пошли, а я сбегал. Все-таки приятно окунуться (ийская вода теплая).

Завтрак, потом занятия. Вначале, чтобы студентам набрать опыт, с каждым информантом занимается группа в два-три человека, и в ней обязательно кто-нибудь из «опытных» – Кибрик, Сандро, Ира, Тенька, Мира.

Я посидел часа полтора с одной такой группой (Ира, Люда и Федя). По сути дела, выявление той или иной конструкции в чем-то аналогично обучению конструкциям на иностранном языке. В хороших учебниках типа Hornby для каждой конструкции тщательно подбирается набор эталонных фраз, эту конструкцию демонстрирующих. Здесь же нужно нащупать, выявить набор фраз, диагностирующих эту конструкцию во всех ее проявлениях, а потом, выявив его, уже строить аналитическое описание, закон, по которому она (конструкция) строится.

Конечно, все делается многократными итерациями. Что-то нащупывается, строится гипотеза, проверяется и т.д. Такого рода работу легче делать, если изучены какие-нибудь родственные языки. Так, в Дагестане, где они много лет изучали одну семью, часто один за другим близкие языки, этот набор диагностирующих фраз (и ситуаций, которые этими фразами описываются), складывался, накапливался. А сегодня было трудно. Никаких тюркских языков никто не знает, да и морфология еще не усвоена, не сидит еще в голове, нужно все время в бумажку заглядывать.

Для тех языков, где морфология не была описана или была описана плохо, им приходилось, конечно, вначале заниматься ею. А до этого еще и фонетикой. И на это уходила первая неделя работы, а то и больше. Но тут фонетика и морфология описаны, по словам Кибрика и Сандро, совсем неплохо. Они пользуются уже упоминавшейся грамматикой Исхакова и Пальмбаха и грамматическим очерком в тувинско-русском словаре Сата.

Сегодня мы с Мариной дежури́м – поэтому часов в 12 уходим готовить обед. По настойчивому совету Иры варится борщ из пакетика с добавлением капусты, лука, сухой морковки и т.д. В общем, суп из топора. Только было бы лучше, если бы этого топора совсем не было – а так ничем вкус пакетика не перебить.

На второе – картошка с тушенкой, на горе Сандро. Он тушенку есть не может, а мы ему просто картошки не оставили, все смешали.

После обеда (и перерыва на мытье посуды для дежурных и отдыха для остальных) продолжение лекции Кибрика. На этот раз – о залогах, видах, словообразовании (глаголов из существительных и других глаголов).

Потом собрались было погулять, но дождь пошел. А Тенька, Леня и Мира пошли ловить рыбу с одним из информантов, Хертеком. У него есть надувная резиновая лодка, они перебрались на другой берег и ловили там. Вернулись поздно, около десяти, с небольшим уловом – штук восемь хариусов. Ловили они на кораблик (местные названия – торпеда, салазки). Это деревянное сооружение, похожее на маленькие салазки, привязанные к длинной и толстой леске. Течение пытается оттолкнуть кораблик от берега, а леска держит его. Рыбак идет вниз по течению, а кораблик плывет метрах в десяти от берега. А к леске привязаны поводки с мушками (пучок волос, привязанный к крючку) – они скачут по поверхности воды и глупый хариус хватается за мушку. Впрочем, он не так глуп – поймали они немного. И почти всю рыбу поймал Хертек, наши рыбаки поймали по рыбке (они рыбачили на два кораблика).

А мы с Кибриком и Сандро после дождя (до ужина) пошли прогуляться – через Ий в лес, но там было грязно по дороге и мокро в лесу. Потом по берегу Енисея прошли, вдоль поселка. Когда мы вернулись, оставшиеся дома уже ужинали.

После ужина начались танцы. Главный танцор – Ира. Вначале они с Леной танцевали, а потом – почти все, даже Сандро был в круге.

Я решил разобрать свою кровать и перебраться на пол. Сетки этих кроватей висают почти до пола, спишь, как в гамаке. Сандро сразу же отказался от кровати, Кибрик не выдержал после первой ночи, а я две ночи продержался, но все-таки на полу лучше, тем более что сегодня еще по одному матрасу дали.

Персоналия

Про Кибрика, Сандро, Иру (Муравьеву), Теньку и Миру я писал уже в дагестанских дневниках. Поэтому тут – только о студентах. Их семеро, и все они в экспедиции в первый раз. В прошлом году экспедиции не было, а в две последние экспедиции студентов не брали. Итак –

Оля Федорова – самая молодая участница экспедиции, перешла на третий курс. Она спортсменка. В детстве занималась гимнастикой и шахматами, потом ради шахмат бросила гимнастику. Кандидат в мастера, играет за сборную Москвы. Тут несколько раз давала «сеанс одновременной игры» двум информантам – Хертеку и Александру, видимо, главным местным шахматистам. Кажется, только один раз Александру удалось сыграть с ней вничью. В благодарность он носит ей газеты с партиями матча Каспаров – Карпов (тут нельзя купить газету, можно только попросить на почте почитать то, что еще не доставлено подписчикам).

Я опрашивал всех студентов, как они узнали про ОСИПЛ и почему туда пошли. Оля говорит, что собиралась в университет на ВМК, изучала университетский справочник и наткнулась там на раздел об ОСИПЛе. Поступила на соответствующие подготовительные курсы, а потом – на отделение.

Оля – девушка серьезная и, видимо, способная. В ней чувствуется какая-то пружина, большой запас внутренней энергии.

Люда Зосимова, Ира Смышляева, Таня Раскатова и Федя Рожанский перешли на 4-й курс.

Люда говорит, что пошла на ОСИПЛ, потому что любила и математику, и языки. Сразу не поступила – недобрала балл. Год проработала в библиотеке на мехмате. Вторая попытка удалась.

Писала курсовую работу у Сандро, и он был ей доволен.

Симпатичная и, на первый взгляд, очень спокойная. Но Сандро верно заметил, что в тихом омуте черти водятся. Просто она сдержанная – а внутри что-то все время бурлит.

Ира – в каком-то смысле самая яркая девушка в экспедиции. Хорошенькая, живая, независимая. Явно интересуется всеми сторонами жизни. Очень неглупая, может быть, несколько эгоцентричная – все воспринимает через себя, через отношение к себе. И очень «компанейский» человек, всегда готова помочь и т.д. Живет в общежитии – она из Коломны.

На свитере у Иры вывязана надпись – SUPER – и поэтому ее сразу же окрестили СуперИрой (а вот для Иры Муравьевой добавки к имени не нашлось, Большая Ира противоречит росту, Маленькая – возрасту).

Таня – подруга СуперИры по общежитию. Она из Тутаева. Скромная, симпатичная и неглупая. Может иногда неожиданно и метко сострить. Неплохо рисует – на доске (и на бумаге) то и дело появляются ее портреты-карикатуры, основные герои – Кибрик и Сандро, иногда – я.

Федя – очень своеобразный мальчик. Серьезный и, видимо, способный. Любит музыку. На вопрос Сандро – какую? – отвечал «серьезную», в противовес «несерьезной», которую,

по его определению, пишут ради денег. Диапазон очень широк – от поп-музыки и рока до Баха и Бетховена. В промежутке Шостакович, Шнитке, Стравинский. Почти всегда, когда можно, слушает магнитофон. Привез сюда массу кассет, но на них только попсовый край этого диапазона.

Таких заштопанных джинсов, как у него, я никогда не видел. На коленке белыми нитками вышито «I am the best you can get» (цитата из какой-то песенки битлов) и время от времени надпись подновляется. Для документов у него маленькая сумочка-бумажник, которую он носит на шее. На сумочке пацифистский знак и еще какие-то надписи. Есть и сумка побольше, тоже необычного вида. Обе сумки, конечно, самодельные. В каникулы он часто с небольшой компанией путешествует автостопом, и его внешний вид привлекает милиционеров – они всегда просят предъявить документы.

На первый взгляд Федя кажется несколько неуклюжим и замедленным, но это не совсем верное впечатление. Так, он никогда не играл в пинг-понг, но после нескольких партий достиг нашего среднего уровня (не слишком, впрочем, высокого).

Говорит, что про отделение знал всегда – он племянник Живова, ходил еще в школе вместе с Тенькой на кружок, организованный Ивановым. При поступлении альтернативой был мехмат, но выбрал отделение.

Марина Филипенко перешла на пятый курс. Очень милая, мягкая, скромная. Про отделение узнала от кого-то из знакомых, занимавшихся в кружке при ОСИПЛе. Думает уже, куда бы работать пойти – распределение у них обычно не самое хорошее.

Леня Куликов – собственно, уже не студент, кончил в этом году, устраивается на работу в ИВАН^{*}). Он давно связан с отделением – еще в школе участвовал в олимпиадах. Очень живой, подтянутый. Видимо, очень способный и уже – сформировавшийся человек. У него явно хорошая рабочая хватка – прошел неплохую школу. Для экспедиции Леня очень подходящий человек. Он спокоен, деловит, все замечает, всегда делает все, что нужно. Неплохо поет под гитару песни «всеобщего» репертуара – Окуджаву, Галича (наверное, и Высоцкого – но тут Высоцкого обычно поет Тенька).

9/VIII

Опять за окном туман. Я еще дежурю – на купание до завтрака нет времени. Марина варит манную кашу, а я режу хлеб, сыр, хожу за водой, выношу помойное ведро и т.д.

После завтрака все, кроме меня, работают с информантами. Я посидел немного с Людой и Федей. Им сегодня достался новый информант, Александр, учитель русского языка, вроде бы очень толковый. Информантов пока мало, всего пять человек, на всех не хватает.

Перед обедом сбежал искупаться. Увы, под дождем, почти все время моросит. Всюду пишут, что в Туве – центре Азии – климат резко континентальный. Но какой-то очень уж мокрый континент попался.

На обед Тенька с Мирой кормили ухой из вчерашних хариусов. Хариус – рыба вкусная. Побольше бы их.

После обеда нам принесли стол для пинг-понга, и теперь часто стучит шарик.

В четыре часа началось очередное производственное совещание. Кибрик продолжал свою лекцию о системе глагола. Потом обсуждались всякие неясности и недоумения – кому что встретилось. Что-то не укладывается в описанную грамматику (может быть, не точно понимаю, а может быть, нечетко и не все случаи описывающую). Что-то просто пока непонятно.

Совещание кончилось в половине восьмого. Небольшой перерыв, потом ужин. После ужина развлекались – играли в МПС^{*}). Оказалось, что две девочки, Таня и СуперИра, к радости остальных, еще не знают, что это такое. И они по очереди «водили» (пока это делала Таня, СуперИра сидела у себя в комнате, чтобы сохранить «девственность»). Кончили поздно, около десяти, потом пообсуждали структуру этой игры.

Сейчас Кибрик и Сандро уже легли, я пишу, а за дверью играет магнитофон и стучит

пинг-понговый шарик. Уже почти одиннадцать, пора спать. Хорошо бы завтра погода была получше – надо погулять.

10/VIII

Сегодня воскресенье, но оно планировалось как рабочий день. Информанты обещали прийти (часть из них не придет в понедельник – уезжают по каким-то делам в Тоора-Хем).

Утро – как обычно. Туман, купание-умывание, кому что больше нравится, завтрак. 10 часов – нет информантов, 11 – нет. Ясно стало, что не придут. Но погода плохая – все занимаются.

К обеду погода стала улучшаться, сходили выкупаться. После обеда решили пойти погулять – совсем распогодилось, солнце. Но в три часа пришел один информант, Хертек. Оказалось, что он и утром приходил, постоял перед школой, никого не увидел и постеснялся зайти, видимо, решил, что занятия отменяются.

С ним сразу же села заниматься Мира. Кроме того, решили, что его займут дежурные (а их сегодня четверо – Люда, Федя, Оля и Леня – они решили дежурить вместе два дня подряд, чтобы веселее было).

Остальные пошли на прогулку. На этот раз – вниз по Енисею, вдоль берега. Хороший маршрут. Берег почти везде довольно высокий (метров 8–10), лес вначале молодой – на месте вырубки, а потом тайга начинается. Мощные лиственницы, березы, иногда молоденькие елочки, реже сосны. Грибов не очень много, но есть. Рыжиков довольно хорошая пропорция – под Москвой их теперь не увидишь. А ягод почти нет.

Прошли километра три-четыре вниз, чуть отдохнули – и обратно.

Ужин сегодня необычный – дежурные оладий напекли. Обычно на ужин ничего специально не готовили – доедали остатки завтрака (каша часто оставалась) или обеда; чай пили, молоко. Оладьи мигом исчезли.

После ужина – коллективная чистка грибов. Быстро справились. Потом большая часть публики пошла в кино – «Верная рука – друг индейцев». Этот фильм здесь пользуется, видимо, большим успехом – его уже раза три крутили.

11/VIII

И опять с утра туман и дождь. Это как-то действует на нервы – неужели так до конца и будет. Тем более что местные жители говорят, что конец августа всегда дождливый (в Москве нам говорили, что лучший месяц в Туве – август, а здесь говорят – июль, в августе дожди идут). Кибрик, глядя в окно, начал «думать вслух» – не перебраться ли в Ак-Тал, второе намечавшееся место. Тенька с Мирой там были, и им там понравилось, только жить предлагали в клубе. Но потом кто-то сказал, что Ак-Тал место еще более дождливое, чем Тоджа, и Кибрик решил не суетиться.

Купаться я бегал один, все остальные слиняли, даже Ира Муравьева. Завтрак. После завтрака пришло много информантов, причем много новых – директор их послал по настоянию одной из информанток – Акыс, жены председателя сельсовета, по-видимому, самой главной женщины этого поселка.

Тенька с ней законтачил сразу же, когда они сюда приехали, и с тех пор она опекает экспедицию.

А Кибрик собрался съездить в Тоора-Хем, чтобы организовать поездку на озеро Тоджа, местную достопримечательность (по озеру и район так называется, но теперь само озеро чаще называют Азас – по названию впадающей в него реки). Заодно он хочет попытаться купить там вина. Очень нужно вино в экспедиции, а в этот раз из Москвы ничего не привезли, только Ира Смышляева к своему дню рождения чего-то прихватила.

Кибрик решил присоединиться к Акыс, которая давно говорила, что в понедельник едет в Тоора-Хем, и меня сагитировал.

Пошли мы с Кибриком к «остановке» – место напротив почты. А автобуса нет и нет. Подождали минут сорок, поговорили еще с двумя потенциальными информантками. Зашли на почту, почитали газеты (за 5 и 6 августа). Уже 11. Говорят, что автобус может и не прийти. Идем домой. Занимаемся своими делами, вдруг кто-то кричит – автобус! Бежим к почте, а автобуса уже и след простыл.

На обед сегодня грибной суп, это лучше, чем из пакетика.

Погода неустойчивая, иногда моросит, а на горках за Енисеем часто дождь льет, эти горы просто притягивают тучи.

Я решил сходить к сопкам, которые виднелись на горизонте, на другом краю долины Енисея. Прошел километров шесть – все перелески, иногда поля – уголья совхоза. Тайгу здесь либо вырубил, либо она горела, иногда попадаются обгоревшие пни. До сопки еще далеко. Побродил по лесу – грибов нет. Вышел на дорогу – едет трактор с тележкой, везет детей. Я забрался к ним. Это ученическая бригада. Сено косят, едут в свой лагерь. Проехал с ними километра два до этого лагеря. Домики в лесу, метрах в 50 от Ия. Ий тут не такой быстрый, как у устья, чуть пошире. Глубина та же.

От лагеря я пошел к сопкам по лесной дороге, но не дошел, было уже поздно, около семи, пора было возвращаться. Вернулся домой в начале девятого.

Ужин. После ужина был устроен «вечер экспедиционной песни». Пели в основном «старички» – Кибрик, Сандро, Ира, Мира с Тенькой. Тенька и на гитаре играл. Иногда гитара переходила к Лене. Разошлись в первом часу, несмотря на настойчивые попытки Кибрика прервать это мероприятие раньше.

Вышли перед сном – небо черное, звезды, таких мы здесь еще и не видели.

12/VIII

И сегодня с утра туман. Но дождя нет. Прохладно. Ночь была звездная, похолодало. Зато есть надежда на погоду.

Сбегал на речку искупаться и постираться. Сегодня я на речке не один – Ира Муравьева и Марина тоже купались.

Завтрак. После завтрака все за работу – опять много информантов, а мы с Кибриком – в Тоора-Хем. На этот раз – на автобус, который привозит из Тоора-Хема рабочих строить школу. Автобус выехал в половине десятого, покрутился по поселку и поехал по назначению. Дорога тряская, на каждом ухабе подкидывает.

Оказалось, что автобус не до Тоора-Хема, а до Салдама, это поселок километрах в трех от Тоора-Хема. Салдам – на Енисее, а Тоора-Хем, как ему и полагается, на Тоора-Хеме, речке, чуть побольше Ия.

Погода разгулялась, солнце, тепло. Идем в Тоора-Хем, в райисполком. Дел два – договориться о поездке на озеро Азас и попытаться достать бутылку водки и бутылку вина. Кибрик надеется достать талоны.

Приходим в райисполком – удачно, председатель собирается уезжать, но еще на месте. Представляемся. Председатель – тувинец со сложной фамилией – ведет в свой кабинет. Кибрик излагает свои просьбы. Председатель для поездки на Азас предлагает рейсовый автобус, который ходит от Ия до Тоора-Хема. А за талонами отправляет к своему заместителю, Михайлову, парню лет тридцати, русскому. Тот открывает сейф, достает дипломат, извлекает целый лист талонов. Отрезал нам пятнадцать штук, на пятнадцать бутылок сухого вина. Шутит – я тут главный виночерпий. Говорит – дорога на Азас плохая, автобус может не дойти. У турбазы свой автобус, повышенной проходимости, но неизвестно, когда он будет. Так что еще не известно, доберемся ли до этой турбазы.

Из райисполкома вышли в половине двенадцатого. Винный магазин открывается в два часа – у нас два с половиной часа. Зашли на почту. Выяснилось, что газеты и журналы привозят сюда на «Заре», а письма и посылки – на самолете. Но в такой туман самолет не летает (а над перевалом туман чаще, чем у нас). Уже три дня, как самолета (и почты) не

было, может быть, сегодня будет. Так что письма из Москвы в Ий могут идти долго.

Почитали на почте газеты. Пошли на речку – Тоора-Хем. Искупались, я постирал немного – раз есть время и тепло.

К двум – в магазин. А он закрыт, говорят, продавщица деньги сдает. Через полчаса пришла. В магазине широкий выбор напитков – три сорта сухого вина, шампанское и водка. Отоварили свои талоны – ящик плюс три бутылки. Уложили все в рюкзак, пошли к тому месту, где нас автобус высадил, он в три часа должен был назад ехать. Автобуса не оказалось, но тут пришла машина из Ия, привезла молоко на молокозавод, скоро поедет назад. Но молоко не принимали, перерыв. Пока ждали – какая-то другая машина подвернулась, маленький крытый грузовичок. На нем и поехали.

Еще до того, как мы сели в него, начал накрапывать дождь. Пока ехали, он усилился. И потом почти весь день моросило.

Приехали, пообедали. Что-то нас разморило. Повалялись. Кибрик поспал. Мы с Сандро поиграли в пинг-понг. Потом и я поспал – до ужина.

После ужина намечался поход на фильм «Конец агента». Но Кибрик, побеседовав со студентами, решил, что они не готовы к завтрашнему занятию с информантами, и отменил кино. И вот сейчас половина одиннадцатого, а на кухне все собрались и кипит работа.

13/VIII

Ира, дежурившая и поэтому вставшая раньше всех, говорит, что в половине седьмого туман был, но когда мы проснулись, он уже поднялся.

Купание. Завтрак. После завтрака все за работу, а я – гулять, вдоль Енисея. Прошел километра на три дальше, чем мы тогда ходили.

Грибов мало, новая волна еще не пошла, хотя немного молоденьких маслят было (а около школы Мира с Тенькой шампиньонов немного набрали, раньше их не было). В одном месте была брусника, но тоже чуть-чуть.

Погода хорошая, солнышко. Решили вечером сделать «пионерский костер». Но после обеда дождь пошел. Перестал и снова пошел. И некоторое время сомневались – идти или не идти, все на небо смотрели.

Все-таки пошли – примерно с половины седьмого. Выбрали место на высоком берегу Енисея, рядом с большой лиственницей, чтобы в случае чего спрятаться от дождя. И случая не пришлось долго ждать. Только разожгли костер, как дождь полил. И лил с полчаса, а то и минут сорок. Но под лиственницей было вполне терпимо.

Дождь кончился. Открыли четыре бутылки вина – первая часть только что обретенных винных запасов. На два тоста хватило. Маловато, но что делать. Оказалось, что и хлеба мало, взяли почему-то только одну буханку, и она вмиг исчезла. Консервы и сыр пришлось есть уже без хлеба. Потом чай вскипятили...

Сидели вокруг костра. Леня и Тенька по очереди на гитаре играли. Репертуар обычный – Окуджава, Высоцкий, с небольшими вкраплениями других песен.

Возвращались около одиннадцати. Опять дождь накрапывал. Пришли и еще чаю выпили. Вот уже и прошла первая неделя здесь.

14/VIII

Утро холодное, но без тумана. Купание. Завтрак. Все за работу. Я гулять сегодня не иду – после завтрака заступаю на дежурство, в 12 нужно начинать готовить обед.

На обед варим грибной суп – мои вчерашние грибы, Мирины шампиньоны, да и сегодня я немного шампиньонов подсобрал. На второе – гречневая каша с тушенкой. Сандро оставили каши без тушенки, но он все равно был недоволен – неправильно кашу варили, он считает, что гречку нужно заранее замачивать.

Погода во второй половине дня чудная – солнце, тепло. После обеда пошли на речку,

постирались.

Потом – переселение. Нас переводят на первый этаж. В школе идет ремонт, первый этаж уже отремонтировали, пол, который красили уже при нас, высох, и нас переводят туда, а второй этаж начинают ремонтировать.

Перед ужином с Кибриком и Сандро прошлись вокруг поселка. Он производит гнетущее впечатление. Очень «регулярный» – расчерчен перпендикулярными улицами, вдоль которых на стандартных участках стоят стандартные дома. В основном его построили в 1949 году, во время «коллективизации», но продолжают строить и сейчас. Дома не свои – совхозные. Строят «квартиры» – есть одно-, двух- и четырехквартирные дома. Это здесь, где полно места. Крыши почти все дырявые. Старые из досок, новые – шиферные, но вокруг труб большие дыры. На участках почти ничего нет, иногда картошка, но и той немного, явно хватает на один-два месяца. Коровы есть – нам носят молоко. Но не знаю, много ли их. Мелкой живности – кур, овец, свиней – нет совсем. Вид у поселка какой-то детдомовский. Собственных традиций строительства домов нет, раньше жили в чумах (в лесу) или в юртах (в поле).

Тоора-Хем выглядит гораздо лучше. Но там больше половины русских – потомки старообрядцев. Крепкие дома, вид жилой. И петухи поют, и свиньи ходят.

Ужин. После ужина – производственное совещание. Ораторы – Ира Муравьева и Леня. Ира нарисовала табличку устройства глагольных форм. Ее структура несколько отличается от той, что приведена в грамматике Пальмбаха.

Леня говорил о каузативе. В этом языке, как, видимо, и во всех тюркских, каузатив оформляется морфологически – вместо наших глаголов типа *велеть*, *вынуждать* тут соответствующие аффиксы.

Мира и Тенька ловили рыбу, пропустили ужин и большую часть производственного совещания. Поймали с десятков хариусов и ельцов, немного маслят принесли. А перед ужином девочки недалеко от уборной обнаружили плантацию шампиньонов. Так что завтра шикарный обед – уха и жареные грибы. Непонятно только, что делать с тушенкой – я по ошибке открыл банку, думал, что это джем.

Спать легли поздно – после производственного совещания чистили шампиньоны. Они дико грязные, росли на куче то ли навоза, то ли торфа.

15/VIII

Сегодня мы проспали – Кибрик при переезде положил будильник в футляр, а футляр – в чемодан. Почему-то никто звонка не услышал. Сандро проснулся в половине восьмого и разбудил нас. А я сегодня дежурю. Бедная Марина одна готовит завтрак.

Вскочил, принес воды, нарезал хлеба, сыра, вынес помойное ведро.

Завтрак. Марина вымыла посуду, я убрал со стола. Воды принес. Сдали дежурство.

Утром был туман, но без дождя. К концу завтрака он частично развеялся.

В 10 часов пошел опять к сопкам (все остальные, как обычно, работают). Туман поднимался, облачность рассеивалась, и к 11 часам небо было голубое, солнце сияло. Дошел, наконец, до сопки. До них – километров семь-восемь, я шел один час сорок минут. Забрался на склон ближайшей к дороге сопки, не самой большой, разделся, лег позагорать и отдохнуть.

На верху сопки березы, не очень старые, лет по 20–30, изредка – большие лиственницы, у многих стволы обгорелые – видимо-таки был тут лесной пожар лет двадцать-тридцать назад.

Дальше не пошел, спустился к Юю, выкупался. Вдоль Ия идет дорога, долина тут неширокая, с полкилометра, дальше, видимо, уже. Надо бы как-нибудь сходить подальше, но на это нужен уже целый день.

После купания пошел домой, чтобы к обеду успеть. Когда до поселка оставалось километра два, меня догнал грузовик, который вез силос. Я на нем подъехал.

После обеда потянуло полежать – намотался, осоловел от солнца и воздуха. Провалился часа два с половиной. Разбудила бензопила, которой почему-то пилили дырку в комнату девочек, при этом искромсали брюки Марины – они, видимо, висели на стенке, в которой делали дырку.

А публика после обеда ходила на речку купаться и стирать. До обеда они работали и только в окно солнце видели, но на их счастье и после обеда погода не испортилась.

Собрал вещи – завтра с утра едем на Азас на два дня.

В комнатах дико воняет краской от свежевыкрашенных полов на втором этаже. Почему-то когда их красили на первом, воняло меньше.

Перед ужином производственное совещание, все в столовой, я один сачкую.

Ужин. Сбор продуктов на дорогу и их распределение по людям. Завтра подъем, как обычно, в 7, но завтрак в 7.45. В 9 отъезд.

16/VIII. На озеро

Кибрик поставил будильник на 6.45. Так что я успел сбегать искупаться. Утро хорошее. Туман был, но солнце уже пробивало его.

Позавтракали. Собрались. 9 часов. Автобуса нет. Сидим на крыльце. Солнце светит. Небо голубое. Срочно нужно ехать.

Автобус пришел в 10.45. Шофер что-то пробормотал, что он долго нас искал, хотя мы видели, что он выехал из лесу пять минут назад.

Едем. Вначале до Тоора-Хема. Потом на Азас. По дороге поселок, Адыр-Кежит, в нем совхоз «Советская Тува», поэтому и поселок чаще называют «Совтува». Это километрах в двенадцати выше по Тоора-Хему. За Адыр-Кежитом километров восемь тянутся поля, потом начинается лес. Дорога ужасная – все время холмики и ложбинки. Основная дорога разбита, лужи, грязь. Но мощные машины, видимо, все равно идут по этой дороге. А машины поменьше и менее мощные, как наш автобусик, ездят по всяким боковым дорожкам, которых тут очень много. Эти дорожки, как правило, круче основной, и автобус то еле ползет вверх, то сползает вниз, при этом часто с трудом проходит между деревьями, царапая себе бока.

Едем довольно долго. И вот, наконец, озеро. Подъезжаем к турбазе. Кибрик расплачивается с шофером. С носа – по 1 р. 05 коп. Нас четырнадцать человек (с нами едет еще Валера – новый учитель школы, только что прибывший в Ий по распределению). Дают билеты – они нужны для отчетности. Билеты ценою по 5 коп., так что получаем метров двенадцать-четырнадцать билетов.

Турбаза – это сорок-пятьдесят маленьких дощатых домиков и палаток (на настилах из досок). Домики стоят тесно, на расстоянии полутора метров друг от друга. Вид у базы довольно гнусный, воняет помойкой. Но озеро, видимо, хорошее.

Кибрик идет искать начальника базы. Возвращается – начальник спит. Идем к берегу – нужно поесть, время уже обеденное. Погода чудная, солнце, тепло. Прежде всего купаемся. Вода сравнительно теплая, но дно не самое удобное – все покрыто острыми камнями.

Перекусываем – бутерброды с чаем, девочки принесли с кухни кипяток. Потом валяемся на солнышке. Те, кто не купался до еды, купаются сейчас.

Кибрик и Сандро снова идут к начальнику. Говорят, что он был не слишком приветлив. Бумага от председателя райисполкома вызвала скорее его раздражение – база не подчиняется исполкому, а таких записок исполком посылает, видимо, немало. Но университетский «мандат» какое-то действие оказал. Нас размещают. Этим занимается Маркеловна – симпатичная женщина, заведующая тут всем хозяйством. Нам дают два домика и одну палатку. В одном домике на пол укладывают матрацы – там в рядок ложатся девочки. В палатке на кроватях – Леня, Федя и Валера. В другом домике четыре кровати – Кибрик, Сандро, Тенька и я. Девочки долго думали, что выбрать – палатку, домик с кроватями либо свой домик. Но кровати плохие, сетки провисают чуть ли не до

пола и они предпочли «половую» жизнь.

Разместились и пошли на прогулку. Маркеловна посоветовала нам сходить на Зеленое озеро. Это сравнительно небольшое озеро в трех километрах отсюда и в полукилометре от Азаса, из него в Азас течет ручей. Рядом радоновый источник, лечебные грязи.

Недалеко от источника стоят палатки туристов – это «филиал» турбазы, казенные палатки, матрацы и т.д. Столик построен.

Туристов оказалось всего трое. Они в этих палатках живут и ходят в походы, то ли радиальные, то ли по маршруту с ночевками, я не понял. Эти трое, как и большинство на турбазе, из Кызыла, путевки продает местное турагентство.

Один из туристов сказал нам, что рядом, уже на Азасе, большой утес, а с него хороший вид на озеро. Они вызвались нас проводить, мы решили оставить вещи здесь, сбегать на утес, посмотреть вид и вернуться, расположиться где-нибудь здесь «на костер». Утес оказался дальше, чем мы думали, примерно в километре. И очень высокий, метров сто – сто двадцать над уровнем озера.

Забрались – и поняли, что нужно оставаться здесь. Вид – чудный, словами не описать. Не так часто приходится такое видеть. Видно почти все озеро, все вокруг – лес, горы. Освещение все время меняется. В общем – полный отпад.

Несколько человек (я – среди них) пошли за рюкзаками, а остальные стали разводить костер, готовить ужин.

Когда мы вернулись, костер пылал, грибы были почищены (по дороге и тут вокруг набрали). Пожарили грибы, открыли вино. Ели, пили, смотрели вокруг. Потом песни пели. Назад пошли в 11 часов. На базу вернулись уже в первом часу. Легли спать – не очень удобно. Моя сетка провисает почти до пола. И не жарко.

Завтра поедем на лодках по озеру.

17/VIII

Так и хочется основать здесь кантон (это в продолжение сравнения Тоджинского района со Швейцарией). Озеро – километров восемь-десять в длину, километра два с половиной – три в ширину, масса заливчиков, островов, полуостровов. Вода чистейшая. Рыбы, может быть, не так уж много, но, приспособившись, можно ловить. На берегах и островах тайга. Брусники видимо-невидимо. Много голубики, встречается и смородина, красная и черная. Лесная, она кажется намного вкуснее садовой. Масса грибов. И почти нет людей. На турбазе одновременно человек сто – сто двадцать. Других приезжающих мало. Лодочная станция – штук двадцать лодок и с десятков водных велосипедов. На островах и по берегам стоят палатки, но их немного – штук восемь-десять.

И с погодой нам повезло – тепло, небо почти безоблачное, солнце жарит. Температура – градуса 22–23 (это днем, конечно, ночью – градусов 6–8, а то и меньше). Вода сравнительно теплая, наверное, как в Ие – градусов 16–17. Вот только дно не самое удобное. Все оно покрыто камнями, какими-то очень ребристыми. Я не сразу понял, почему они не гладкие, ведь волна должна была их окатать. Но потом догадался: это гранит, он, видимо, значительно прочнее песчаника. Ий и гранит округляет, но там течение сильное, вода больше работает.

Озеро расположено в центре Тоджинской котловины. Его настоящее название – Тоджа, по нему и район называется. Как написано во всех туристских книжках, «тувинская пословица гласит – кто в Тодже не бывал, тот Тувы не видал» (весь строй этой пословицы говорит о том, что она придумана авторами этих книжек и по-тувински не существует).

Теперь озеро чаще называют Азас, по названию речки, которая в него впадает. А вытекает из него Тоора-Хем, впадающий в Бий-Хем. В устье Тоора-Хема и районный центр, Тоора-Хем.

Утром мы взяли четыре лодки и на целый день уплыли. Плавали по островам, собирали бруснику, голубику и грибы, конечно, купались, обедали. Рыбу пытались ловить. У нас с

Сандро вначале не клевало. Я перешел на глубину, а Сандро поехал на другое место и поймал трех больших окуней. Очень жалел, что пора было уезжать, только начался клев, а нужно было ехать и сдавать лодки.

Хорошо бы на этом озере пожить летом дней десять. Но лучше всего, конечно, основать кантон. Построить хорошие дома, дорогу провести, электричество. А турбазу закрыть и никого посторонних не пускать. Только вот зимой тут, наверное, холодно, говорят – минус 40 – это обычная температура.

Ужинали и завтракали мы в столовой турбазы, пользуясь ее столами и плитой для готовки. Продукты у нас свои (правда, Кибрик получил разрешение и на пряники, которые лежали на столах. «Только тарелки не берите», – сказали ему).

После ужина чуть-чуть попели и легли спать. Ночь холодная – пришлось одеваться, спальника не хватает. И очень уж кровати неудобные.

18/VIII

Утром туман и очень холодно. Побежал все же на озеро, выкупался. Вода теплая. Туман постепенно поднимался.

Позавтракали. Выяснилось, что скоро в Тоора-Хем пойдет «уазик» – маленький грузовичок с низкими бортами, одна из машин, про которые говорил вчера начальник базы, обещая отправить нас до трех часов.

Кибрик поговорил с шофером и начал торговлю живым товаром – договорился, что посадит в кабину СуперИру.

Погрузили все наши рюкзаки, места в грузовике осталось немного. На дне кузова были расстелены матрацы, и мы с трудом втиснулись в это пространство.

Выехали примерно в половине одиннадцатого. Уазик – сильная машина, и он легко преодолевал все подъемы и лужи, на которых пыхтел автобусик, привезший нас сюда.

Мы довольно быстро добрались до Тоора-Хема, а за это время СуперИра уговорила шофера довезти нас до Ия. Заехали только на заправку за бензином и на почту – шоферу что-то нужно было там сделать. За это время мы сбегали в книжный магазин и слегка его почистили – как посчитал Сандро, все вместе мы там оставили больше ста рублей.

Часа в два мы были уже в Ие. Дежурные начали готовить обед, остальные пошли купаться – жарко.

После обеда какое-то сонное настроение. Повалился немного. После ужина – производственное совещание. Кибрик рассказывал о предложениях типа «Я знаю (думаю), что...» Потом СуперИра и Таня отчитывались о своих достижениях. Я после кибриковского сообщения слинял – писал письма и дневник, на Азасе писал мало, отстал от жизни.

Вечером на горизонте полыхали зарницы – грома не было слышно.

19/VIII

Снова нормальный рабочий день, все сидят с информантами. А я с утра пошел вдоль Енисея, хотел пройти подальше. Но в том лесочке, где мы когда-то собирали рыжики, масса маслят. Пришлось собирать – набрал полную сумку, кроме маслят еще маленькие и плотные моховички. Рыжиков нет. Искупался и к обеду вернулся.

После обеда было производственное совещание. Я послушал Сандро. Потом выступали Тенька с Мирой и я слинял, пошел поспать. Часов в пять они кончили, и мы (Тенька с Мирой, Сандро и я) стали собираться на рыбалку. Кибрик пошел вместе с нами, но не рыбачить, а собирать грибы. У нас три удочки поплавковые и торпеда. Червей Тенька еще на Азасе накопал. Он же и место тут обнаружил, где удобно на удочку рыбачить – там водоворот и течение в обратную сторону и несильное.

Только я забросил – тут же вытащил довольно крупную сорожку. Часа за два мы

поймали двадцать одну штуку. На торпеду почти ничего не ловилось. Тенька за все время поймал пару рыбешек. Я один раз прошелся – вхолостую. Мимо нас проходило несколько «торпедистов» и все жаловались, что не берет хариус.

А Кибрик наворотил сумку грибов, в основном – моховиков.

Вернулись мы поздно – и застали дома всего двоих, Марину и Таню. Леня, СуперИра и Люда вместе с Валерой умотали в Тоора-Хем в кино на «Агонию», а Ира, Оля и Федя пошли на сопку.

Мы поужинали и принялись чистить грибы. Благо, они молоденькие, почти ничего с ними делать не надо (со здешних маслят шкурка все равно не снимается). Почистили, вскипятили их на сковородках – получилось почти полное ведро.

Когда уже ложились спать, вернулись «сопочники». Были в восторге – видели даже горных козлов. Они еле успели подняться, как стемнело (они вышли после шести). Возвращались уже в темноте.

А киношники вернулись около часу ночи. До Тоора-Хема они добрались уже поздно, к тому же оказалось, что «Агония» идет завтра, и они только пробежались туда и обратно (13 км в одну сторону).

20/VIII

Утром туман, чуть моросит. Сбегал искупаться. Сандро и Кибрик тоже пришли купаться. Кибрик влип в «контрабасную» историю. Он выбрал укромное место, разоблачился и намылился. Открыл глаза и видит – идет женщина за водой. Он в кусты, намыленный (говорит – бросился, как серна). А она – нет бы воды набрать и сразу уйти, стала вдруг ведра мыть и еще что-то делать. Так он, бедный, просидел в засаде минут десять, отрезанный от своих одежд. И больше всего боялся, как бы тут Марина не пришла и с другой стороны его не засекала (мы-то с Сандро уже ушли).

После завтрака обычные занятия. А я сварил манную кашу и пошел рыбачить – попробовать, понравится ли каша рыбам. Но клевало плохо, всего две рыбешки поймал. Время «неклевое», да и червяки, видимо, рыбе больше нравятся. Тут несколько видов рыбы – ельцы (видимо, хищники), сорожка и еще что-то. Не все кашу едят, а червяка все, кроме хариуса, хватают.

Вернулся к 12 – мы с Мариной сегодня дежуриим.

После ужина в пинг-понг играли.

21/VIII

Со вчерашнего вечера и всю ночь шел дождь. Но к утру облака были уже высокие. Дежурю и потому не иду купаться. Принес воды. Вынес помой. Марина кашу варит.

После завтрака народ за работу, а я на сопки. Взял с собой хлеба, чтобы к обеду не торопиться. Погода вроде бы подходящая, дождя не будет.

Дошел до сопки и пошел вверх по Юю. Прошел несколько километров. Искупался, посидел. Пошел дальше. Все время сенокосные угодья. Потом дорога перешла на другой берег – косят уже там, а я прошел еще немного по этому (правому) берегу по тропе.

Долина сузилась. Поднялся на сопку. Хороший вид – внизу долина Ия, по сторонам сопки, покрытые тайгой.

Назад пошел не по долине, а по тайге. Много брусники. Птицы громадные – то ли вальдшнепы, то ли глухари, выпархивают почти из-под ног. И не по одной – по три-четыре штуки. Об этом и Ира говорила – они тогда их видели. Но козлы мне не попадались. Прошел несколько километров. Присел на брусничном месте, поел бутербродов с брусничкой. Потом набрал пару кружек – брусники масса, и она тут очень спелая и крупная.

Еще до этого, пока я шел по тропе, в одном месте было несколько кустов шиповника,

усыпанных крупными и спелыми ягодами.

Я хотел попасть на вершину одной сопки, видел ее издалека. Но шел по тайге и «промазал» – очень трудно в тайге ориентироваться. Вышел на покосы, левее того места, где входил, в паре километров от долины Ия. Пошел домой, было уже около четырех. Прошел километра два, и меня догнал грузовик. Повезло, он меня подвез почти до поселка, километров пять я сэкономил.

Пришел, пообедал, народ как раз пил чай. Рассказали мне, что начался пинг-понговый турнир, но после нескольких партий последний шарик треснул.

Меня ждали письма от Лиды и от мамы. Лидино письмо шло шесть дней (а письмо из Казани – даже пять). Сравнительно быстро.

После обеда повалялся. Написал письма и дневник за два дня.

Кибрик перед ужином и после него совещался с «заложницами» – Мариной и Олей, которые занимаются залогом. У них трудности.

А после обеда Кибрик опять ходил за грибами и принес довольно много. Их будут мариновать – в жареном и вареном виде грибы уже всем надоели.

22/VIII

Пятница – некоторый рубеж. В субботу и воскресенье информантов не будет. А на той неделе – всего три рабочих дня и нужно каждому приготовить отчет. Так что основная работа должна быть закончена сегодня, на той неделе уже надо будет хвосты добирать.

А я сегодня с самого утра вместо завтрака пошел рыбачить. И очень удачно. Поймал, наверное, больше, чем мы тогда все вместе. Особенно вначале хорошо клевало, еле успевал забрасывать. Было бы «рабочее место» чуть удобнее, можно было бы больше наловить. А то приходится рыбачить с маленького «мысочка», что-то вроде кочки вдается в реку. А пойманную рыбку забрасывать на обрывчик за спиной. И черви там же. Поэтому, чтобы снять рыбу с крючка и насадить нового червяка, нужно подниматься на этот обрывчик, а потом снова спускаться. Это занимает некоторое время. А чуть забросил – сразу поклевка и почти всегда вытаскиваешь.

После десяти стало клевать меньше. Но до одиннадцати я досидел, еще несколько штук поймал. Потом почистил рыбу, умылся, выкупался – и домой.

Но так как я пришел после часа, обед уже готовился и рыбу решили жарить на ужин.

После обеда – переезд. В понедельник будет какая-то комиссия из района и все классы должны быть готовы. Поэтому мы (Кибрик, Сандро и я) переселяемся к Лене и Феде – они живут в кабинете труда, а девочки – в какую-то другую комнату. Мира с Тенькой живут в учительской и остаются на месте.

После переезда Мира с Тенькой и Сандро, раззадоренные моим утренним успехом, идут на рыбалку. Я иду с ними, чтобы накопать червей. Здесь это проблема. Вначале черви были с Азаса. Потом Тенька здесь немного накопал. Кроме того, они нашли на берегу брошенную баночку с червями. Но сегодня утром я извел львиную долю оставшихся червей.

Пытаемся рыть навоз на ферме – тщетно, ничего нет. Тенька спрашивает у мальчишек – они ведут нас на какое-то место, где под лежащими на полу гнилыми березами действительно живут черви. Их не очень много, но с помощью мальчишек мы пополняем наш запас.

Они отправляются на рыбалку, а мне не хочется. Иду к берегу, нужно кое-что постирать, потом возвращаюсь домой. А Кибрик пошел вместе с рыбаками, но за грибами. Мы рыбачим как раз на грибном берегу. Я, когда сегодня возвращался, видел, что вылезло много маслят, но собрать их было уже некогда.

Утром Кибрик ходил к директору совхоза договориться о нашем воскресном отдыхе – просил переправить нас утром на тот берег, а вечером – назад. И еще просил во вторник подбросить нас после обеда до сопки, бруснику пособирать, погулять там.

Кибрик вернулся с полным ведром грибов. Сандро тоже вернулся – говорит, не клюет. Мира с Тенькой остались, пришли поздно и принесли 30 штук.

Вечером началась уже подготовка к завтрашнему празднику – дню рождения СуперИры. Народ жаждет праздника. А утром начался турнир по пинг-понгу. Я вечером играть отказался – устал очень.

23/VIII

Сегодня информантов нет, и основная работа у студентов – писание отчетов. Но главное сегодняшнее событие, как я уже писал, день рождения СуперИры.

По случаю отсутствия информантов подъем в 8. Но я проснулся в 7 и отправился на рыбалку. Сегодня туман, холодно. Половил на старом месте – что-то хуже клюет, чем вчера. Перешел на новое, подальше – его вчера Тенька с Мирой нашли (подходит только то место, где течение не несет поплавок – обычно это какой-нибудь медленный водоворотик). На новом месте ловить удобнее. Поймал опять тридцать штук. Выкупался, постирал рубашку и пошел домой. Потеплело только часам к 12, когда я уже возвращался.

День явно не слишком рабочий. Играют в пинг-понг, шахматы.

Обед сегодня шикарный. Рыбы пожарено шестьдесят штук, ешь от пуза. Но справились и с этим количеством. После обеда – завершение пинг-понгового турнира. Для меня – и начало. Выигрываю у Феди и Оли, проигрываю Марине и Кибрику. Обидно, что Кибрику – окончательный счет 28–30, и несколько раз у меня было «больше».

Потом выигрываю у Сандро – это удача, он лучше меня играет. Проигрываю Ире Муравьевой – опять обидно, счет 19–21. Выигрываю у Теньки и проигрываю Мире – тут все закономерно.

Больше всего очков – по 7 – у Кибрика и Миры, у них всего по одному проигрышу (в турнире девять участников). 6 очков у Марины, 5 – у Сандро. Предстоят полуфиналы и финал. Играют Сандро и Марина, Кибрик и Мира. Марина выигрывает у Сандро, хотя он упорно сопротивлялся, а Мира – у Кибрика. В финале Мира обыграла Марину, к огорчению публики, которая болела за нее, разве что Тенька был исключением.

А на кухне все время кипела работа. Параллельно шла глажка. Девочки все время требовали Сандро – у каждой было к нему серьезное и секретное дело. Все это – подготовка к вечеру.

Наконец сели за стол. Тамада, конечно, Кибрик. Он произнес речь и вручил СуперИре подарок – варежки из натуральной замши, но на рыбьем меху. Сделаны они в Хабаровском крае, тамошними народными умельцами, но здесь идут как тувинское изделие.

Много было всяких сочинений: Сандро – стихи и две песни, Марина представила стихи, сочиненные СуперИре разными поэтами, от Некрасова до Мандельштама, и т.д., и т.п.

Стол – ломился. Грибы были и соленые, и маринованные, и жареные. Салатов кучу понаделали, картошки сварили. Водки было две бутылки, и вина штуки три. А потом чай, к которому изготовлены были два торта и конфеты – из какао и сгущенки.

Дамы были в туалетах, а мужчины – во фраках (я, например, в джинсах и свежевыстиранной и даже выглаженной ковбойке). После ужина, конечно, танцы, а потом – подгитарное пение.

Мы ушли спать в два часа ночи (я засыпал, еще спускаясь с лестницы). А дети во главе с Ирой Муравьевой еще на какое-то время остались.

24/VIII

Подъем был в восемь. Леня было бежать купаться, но все же сбегал и сразу легче стало после вчерашнего переедания. Сегодня – на тот берег. Выяснилось, что перевоз

(«казанка» с мотором) будет работать почти все время, масса народа из Ия переправляется. Кто за кедровыми шишками, кто за брусникой.

Позавтракали, только собрались выходить – проливной дождь. Переждали, пошли. Мы с Сандро чуть пораньше, еще под дождем, чтобы успеть к согласованному времени.

Наконец переехали в несколько приемов на желанный берег. Наша основная цель – за шишками. Сейчас как раз «шишкуют».

У нас провожатые, два тувинца с детьми, на переправе выяснилось, что они идут туда. Поднимаемся по тропинке на сопки, вначале вдоль ручья, потом довольно круто вверх. Расстояние – километров пять, подъем – метров пятьсот. Поднимались часа два с лишним.

На сопках тайга, много грибов – в основном моховики, сыроежки. Ягоды – черника, брусника, голубика. Подкрепляемся ими.

Наверху ягод уже нет (только смородина и шиповник кое-где). Наши провожатые показывают нам колотушку. Это громадный «молоток» – бревно диаметром сантиметров пятнадцать-двадцать и длиной в полметра на «ручке» длиной метра в два с лишним. Ручку упирают в землю рядом со стволом кедра, а самим молотком бьют по стволу, чтобы шишки падали.

Сандро начинает «шишковать». Если повезет, с дерева падает шишек пять-шесть. Обычно – меньше. Большинство кедров уже обито. Имеет смысл бить только по сравнительно тонким деревьям – большие деревья не сотрясаются колотушкой. Способ, конечно, варварский, и кедром на пользу явно не идет. Какие-то они тут чахлые – не то, что я видел в Хабаровском крае. И шишки поменьше (Ира Муравьева уверяет, что это не кедр, а кедровая сосна, а на настоящих кедрах будто бы шишки не растут^{*)}).

Сандро шишкует (колотушка у нас одна), а Таня собирает шишки. Остальные разводят костер, дежурные начинают готовить обед. Тут есть вода, кипятят чай, режут хлеб, сыр и колбасу, открывают консервы.

Пока дежурные этим занимаются, остальные лезут выше, на вершину сопки. Крутой склон – камнепад, под ним ручей (он начинается чуть ли не у вершины), и поэтому нет деревьев и хороший вид на «наш» берег – на поселок, Ий-Хем, долину Енисея, вплоть до тех сопки, куда я бегал.

Едим. Снова туча, и уже не дождь, а мелкий град. Прячемся, кто под деревьями, кто под своими накидками. Тенька – тот под зонтик. Он большую часть пути шел под зонтиком (почти все время моросило). Зонтик в тайге впечатляет, хотя функцию свою он и здесь выполняет.

После еды Сандро и Тенька продолжают шишковать, а остальные потихоньку спускаются, чтобы пособирать ягод. Кибрик грибы собирает – хочет намариновать и в Москву отвезти. СуперИра и Люда тоже собирают грибы – хотят посушить (Мира и Тенька давно уже сушат – все время вывешивают свои ниточки, то на солнце, то в дом – на ночь и на время дождя).

С час, наверное, собирали ягоды, местами их много, местами все обобрано. Набираю кружки три. Шишек наши шишкарки насбивали штук 200. Опыта мало – не сразу стали понимать, по каким кедром бить – какие еще не обиты. Да и не очень много таких. Тувинцы тащат шишки мешками. И за брусникой женщины приходят с ведрами.

По дороге подбирали и шишки, уже обработанные белками. В них остается иногда довольно много орехов.

В общем сходили очень удачно, хотя погода нас не слишком баловала. К переправе вернулись часам к семи. Дома нас ждал сюрприз – видимо, в школе пробовали отопление, и трубы потекли. Всюду были лужи. А на девочек сверху пролился дождь – у троих все постели были залиты – «скидывались» им – одеяла, матрацы.

Поздний ужин и рано спать, все устали.
Поздний ужин и рано спать, все устали.

25/VIII

Обычное утро. Купание, завтрак. Информантов нет – они будут только после обеда. Студенты пишут отчеты.

Я пишу письма, иду на почту. Как раз стоит почтовая машина – удача. Отдаю письма и получаю семь писем для экспедиции, одно – себе.

Тенька с Мирой пошли утром на рыбалку, вернулись, когда мы уже обедали, принесли штук двадцать. Кибрик с Сандро ходили стирать, у них уплыл по речке таз, они его с трудом выловили. Но, гоняясь за тазом, Кибрик, видимо, выронил часы. Во всяком случае, он хватился, что их нет, и на берегу не нашел.

После обеда я иду на рыбалку, завтра мы с Мариной дежури́м, и хочется сварить уху. Но вначале нужно добыть червей – иду туда же, где мы тогда под руководством мальчишек занимались этим, и набираю с десятка.

Рыбачу до половины восьмого – двадцать девять штук, причем сегодня покрупнее, чем в прошлый раз. На уху хватит.

Возвращаюсь, когда наши уже ужинают. Довольно долго сидим, Кибрик и Сандро травят истории о предыдущих экспедициях, в основном – про Барулина, его экспедиционные романы и связанные с этим подвиги, походы за сорок километров на свидания и т.п.

Ложимся рано. Сандро что-то нездоровится, видимо, простыл во вчерашнем походе, после которого он еще выкупался, а было холодно. Девочки лечат его, дают аспирин, стрептоцид. В десять уже спим.

26/VIII

Опять туман и холодно. Бегу купаться. Почему-то бежать назад холоднее, чем на речку. Завтрак. Приходят информанты – их делают, всем нужно задать последние вопросы. Я подсаживаюсь к Марине, которая занимается с Валентиной. Марина проверяет всякие «залоговые» формы глаголов – можно ли образовать ту или иную форму, в какого типа фразах встречается эта форма и т.д.

В школе дикий холод, хотя на какое-то время даже батареи включали и вчера, и сегодня. Как тут зимой дети занимаются? Сейчас, правда, входные двери с двух сторон распахнуты, и поэтому сквозняк. Но зимой тут, наверное, не жарко. Окна очень большие.

А второй корпус школы уже достроили или почти достроили. Завтра придет комиссия проверять. Рабочих было всегда довольно много, почти все они делали руками, но работали все время, зря времени не теряли.

В 12 мы с Мариной начинаем готовить обед. Я варю уху, Марина – рис и тушенку с луком жарит. На третье – кисель с небольшим количеством брусники.

Мне казалось, что рыбы много, но уха выходит жидковатая, картошки нет совсем, а нас много.

После обеда Александр приводит старого тувинца, 1910 года рождения. Все собираются на кухне, задают ему вопросы о его прежней жизни. Он кочевал с оленями в лесу. Жили они в чумах, покрытых оленьими кожами. Когда олени съедали корм вокруг, передвигались на новое место. Кочевали небольшими кланами – арбанами. Когда сын вырос и женился, он начинал жить в своем чуме, рядом с отцовским. А когда отец умирал, сыновья расходились.

А речные тувинцы жили по рекам, они свои чумы крыли корой лиственниц.

Разговор этот с переводом (старик говорит только по-тувински) длился довольно долго. И хотя это было интересно, я начал клевать носом – время семинарное.

Ушел, принес воды, помой вынес и пошел подремать. К вечеру пришли информанты и народ стал с ними заниматься. А меня Кибрик разбудил – призвал печь оладьи на ужин.

Ужин, треп. Потом пришел Александр с Хертеком и позвали Олю на очередной сеанс

одновременной игры. Мы стояли и наблюдали. Александр играет значительно лучше Хертека (Оля говорит, что на уровне 1-го разряда). Она выиграла у них партии по две-три. Сандро стал над ней подшучивать – говорит, какая она жестокая, не жалеет никого. На нее это как-то эмоционально подействовало, и она проиграла им по партии (Хертеку просто зевнула что-то).

27/VIII

Утро без дождя. Принес воды и побежал купаться. Марина кашу варит.

Завтрак. В 9 должен быть грузовик, чтобы везти нас на сопки. Пришел он, конечно, в 10, а приехали мы туда в 11 (по дороге он куда-то заезжал в деревне, потом – на заправку). Так что если бы мы вышли в 9, то на сопках были бы раньше. Но не устали, а главное, он и обратно повезет.

Собственно, на сопку и не полезли, стали бруснику собирать. Это уже заготовки, каждый для себя. Пособирали часа два – два с половиной. Обед, т.е. чай с бутербродами. Потом несколько человек пошли-таки на сопку, а остальные продолжали собирать.

Кибрик достал у информантов штук пять «гребков» – специальных совочков для сбора ягод. Я попробовал, и мне не понравилось. Хотя, видимо, приспособившись, с помощью такого гребка можно собирать быстрее, чем руками. Но быстрее всех руками собирала Люда – она набрала больше всех (наверное, раза в два больше, чем я).

Брусники много, но собирать ее не быстро. Занятие какое-то затягивающее, но отупляющее.

В начале пятого стали возвращаться к машине. Те, кто пошел на сопку, были уже там. Далеко они не ушли. И даже птицы из-под ног у них не порхали, не говоря уже о козлах.

Подъехала машина, увезла нас домой. У крыльца устроили фотографию – как раз пришел на учительское совещание Валера, попросили его снять нас, и он снимал из четырех фотоаппаратов, всех, имевшихся в наличии. Потом и его сняли – с аппаратами на шее.

Повалялись. Сандро соорудил себе коробку для брусники. А я нашел большую картонную коробку, обрезал ей борта, и получился небольшой фруктовый ящик.

У Кибрика – полное ведро (не очень большое), они втроем собирали – он, Мира и Тенька. И все – гребками. Но Кибрик жалуется, что Тенька мало собирал.

Прощальный ужин – завтра уезжаем. Вина, к сожалению, осталось мало, всего три бутылки. Поэтому наливают – чуть дно кружки прикрывается, да и эта доза пьется в несколько приемов.

Речь Кибрика – начальник подводит итоги. Потом Сандро читает стихи, которые он посвятил каждому участнику экспедиции (см. приложение). Таня нарисовала картинку – «Двор короля Кибрика I», коллективный портрет участников экспедиции.

Настроение совсем не такое, как четыре дня назад, когда праздновали день рождения СуперИры. Тогда – подъем, сожаление, что скоро все это кончится, казалось – хорошо бы еще недели две здесь пробыть.

Сейчас – уже все кончилось, уже и предложи остаться – никому не хочется. Немного грустно. И даже танцы, которые затевали СуперИра и Таня, главные танцорки, очень долго не начинались и шли как-то без энтузиазма.

Немного попели. Потом мы пошли спать – примерно в час, и не знаю, что там было дальше.

28/VIII

Будильник зазвонил в 7.45. Леня – ранняя пташка – был уже на ногах. Пасмурно и не очень холодно. Последний раз бегу купаться в Ие. Завтрак. Сбор вещей, упаковка. Потом до обеда каждый занимается своими делами (Марина умудрилась даже еще час с

Валентиной – информанткой – позаниматься).

Пообедали – в последний раз за этим столом. Сбор общественных вещей – матрацев, одежды и т.д. Директор школы (он, оказывается, по специальности преподаватель автодела) приехал на машине, чтобы отвезти нас на пристань. (Он и в первый день вез нас от пристани к школе, но я этого не просек.) Стали грузиться. В это время СуперИра и Люда еще доваривали в громадной общественной кастрюле брусничное варенье – литров 20. Потом СуперИра охлаждала эту кастрюлю в луже. После этого они еще горячее варенье перелили в два больших целлофановых пакета – один был внутри жестяной банки из-под оливкового масла, а другой – просто в картонной коробке (в которой и банка стояла). Эту картонную коробку перевязали веревками и обращались с ней осторожнее, чем с фарфоровым сервизом. И у каждого из нас коробка или другая какая-нибудь упаковка с брусникой.

Проще всего поступил Кибрик. Он замочил свою бруснику в двух шестилитровых пластмассовых канистрах и везет готовый продукт.

Едем на пристань – директор торопится как можно скорее выставить нас из школы. И в четыре часа мы уже на пристани.

«Заря» пришла в 16.55. Сели, доехали до Тоора-Хема. Вещи после некоторых пререканий с командой оставили на «Заре». И билеты до Кызыла на завтра Кибрик оформил по дороге.

Наш несколько странный маршрут – в Тоора-Хем, а завтра в Кызыл мимо нашего Ия – объясняется тем, что утром в Ие «Заря» скорее всего не остановится – она будет набита пассажирами уже в Тоора-Хеме. В последние два дня так и было.

Пошли в гостиницу, места были уже забронированы. Устроились. Тенька с Мирой – в люксе, как семейные; два пятиместных номера – один для мужчин, другой для девочек, а Иру Муравьеву, не вместившуюся к девочкам, поселили в женский номер. Впрочем, только что переиграли, Иру перевели к Мире, а Теньку – куда-то в мужской номер.

Ужинать пошли на берег Енисея. Посидели у костра, попели. Еще до ужина я забрался на высокий берег – хороший вид на Енисей и вокруг.

Ночь была темная, без луны. Небо звездное. Спать легли примерно в 12.

29/VIII

Проснулись по будильнику, рано, до шести. С вечера еще просили дежурную вскипятить чай к этому времени.

Я не стал завтракать, убежал купаться на Тоора-Хем «с вещами». Туман, прохладно. Но купаться – приятно. К нашим присоединился по дороге, они как раз проходили мимо.

На пристани были примерно в 7. Там уже был народ, но не очень много. Но люди все время подходили, и к 8 часам, перед началом посадки, собралась большая толпа, напряжение нарастало.

Вся эта толкотня была вызвана, говорят, тем, что вчера обе «Зари» – туристическая и рейсовая – ушли пустыми. На пассажирской уехал в одиночестве какой-то тувинский замминистра – птица столь высокого полета не может смешиваться с народом. А на туристическую «Зарю» (которая возит туристов, когда они есть, направляющихся на турбазу в Азас и обратно) запрещено брать пассажиров – некому билеты продавать – и она ходит пустая, в то время как десятки людей не могут попасть на работу.

У многих, как и у нас, билеты на самолет из Кызыла и нужно уехать во что бы то ни стало. Самое горячее время перед началом учебного года. А других возможностей нет – самолет может не полететь, да и берет он 12 человек.

«Заря» стояла, как обычно, носом к берегу – с носа у нее откидывается ступенька на берег. Когда появился помощник капитана и объявил посадку «в порядке очереди», начался штурм.

Тенька с Мирой и Кибрик стояли у самого носа «Зари», они сразу же сели. Я был

вместе с Федей, Олей и Мариной. Перед нами были какие-то люди с чемоданами. Они никак не могли забраться и блокировали нам проход. А в это время со всех сторон народ понахрапистей лезет, кто как может. Забираются в воду, лезут через поручни прямо из воды.

Федя кое-как пробрался, Марина прошла в обуви по воде и влезла. Оля за ней. У меня почему-то в руках рюкзак общественный, лезу с ним тоже по воде и забираюсь на борт.

Сандро, Люда, СуперИра, Леня, Таня и Ира стояли с другой стороны и забрались еще позже нас. Люда влезла в салон через окно, а остальные прошли по борту, пробрались уже через машинное отделение. Хорошо, что основные наши вещи были там уже с вечера.

«Заря» была набита битком – весь проход был забит людьми, сидящими на чемоданах, узлах и пр. Ни в Ие, ни в большинстве других пунктов «Заря» не останавливалась. На одной пристани только кто-то выходил.

Я думал, что вниз – по такому течению – «Заря» идет значительно быстрее, чем вверх. Оказалось, что все не совсем так, как в школьных арифметических задачах. Быстрее, но ненамного. По дороге – сушили промокшие ноги, смотрели в окна, ели, читали, спали.

В Кызыл приехали в три часа. Идем в ту же гостиницу, места уже забронированы. Оформляемся. В пять часов открывается ресторан, работающий как столовая самообслуживания, будем там обедать. До этого иду на почту, получаю как самые первые письма, так и последние. Потом в магазин сувениров. Остается еще пятнадцать минут на музей – встречаю там Иру Муравьеву и Леню, пробегаем по залам.

Обед. После обеда большинство идет в кино – «Миллион в брачной корзине». Я остаюсь, пью чай в номере, потом иду бродить по городу. Делаю круг в несколько километров. Город как город, без особых примет. Только в центре приятное здание театра. Зато декорации – пейзажи вокруг, горы, Енисей – это замечательно.

Возвращаюсь уже в темноте. Ужин назначен на 10. Киношники еще не вернулись – начинаем ужинать без них (ужин в люксе, где живут Оля и Марина). Они приходят чуть позже.

На завтра назначен автобус. Наши опекуны – филологи из института истории, литературы, языка и чего-то еще – везут нас на какую-то «смотровую площадку» – оттуда вид на Кызыл, а потом на самолет – в начале первого уже регистрация. Решаю не ехать – думаю, что Кызыл не так уж интересен сверху. Лучше пойду в музей – я там был слишком мало, а во дворе там, оказывается, штук сорок разных каменных баб, стел и на многих из них руны.

30/VIII

Утром в 8 часов все идут завтракать, а я бегу купаться. В 10 часов приходит автобус. Несу туда свой рюкзак, а сам хочу остаться и идти в музей. Но выясняется, что нас повезут посмотреть петроглифы, это где-то близко, а потом, может быть, и в музей успеем. Дело в том, что в нашей гостинице живет сейчас Марианна Арташировна Дэвлет, московский археолог, по-видимому, главный специалист по тувинским петроглифам. Приехавшие сопровождать нас Чадымба и еще две женщины из НИИЯЛИ столкнулись с ней в гостинице, и она согласилась показать нам эти петроглифы. Раз такое дело, еду со всеми.

Но вначале едем на эту самую «смотровую площадку». Там, как я и предполагал, ничего интересного. Внизу Кызыл в дымке. Потом – к петроглифам. Это на другой стороне Енисея (как и площадка), на окраине Кызыла, рядом с коллективными садами. Небольшая горка, выходы скальных пород и на камнях – рисунки оленя, медведя. Камни покрыты «загаром», а контуры рисунков выбиты каким-то «долотом». Рисункам этим две тысячи лет. Производит впечатление.

Оказывается (это уже из книжки Дэвлет, которую она подарила Кибрику), тут рисовали на скалах в течение трех с половиной тысяч лет, вплоть до недавнего времени.

Часть рисунков исчезла за последние годы – камни, на которых они были, кто-то отбивал для хозяйственных нужд, может быть, для фундаментов дачных домиков.

Потом едем в музей. Чадымба договаривается с музейным начальством, и нас пускают во двор (оказывается, просто так туда не пускают)...

На этом мои записи обрываются. В музее, особенно во дворе, было интересно – много каменных баб, стел с рунами и т.д.

Потом поехали на аэродром – и в Москву. Кончилась Тува – волшебная страна.

Добавление – «тувинские» песни и стихи Сандро

Песня по случаю двадцатилетия Иры Смышляевой

Не придавай значенья датам –
Они проходят без следа.
И то, что вспомнится когда-то,
Так это радость иль беда.

И юбилейная суббота
Исчезнет средь других суббот,
Как гинет прежняя забота
Средь тысяч нынешних забот.

Но дай нам Бог в душе оставить
Покой и свежесть этих дней
И звездный холод не расплавить
Средь электрических огней.

Тувинская

Мы плывем на корабле надежды,
Ласкою сияют небеса.
Полные доверия невежды,
Подставляем ветру паруса.

Позабыв о рифах и тайфунах,
Мы летим в далекие края.
И пираты на смоленых шхунах –
Наши закадычные друзья.

Нам претит обыденности зелье,
Мы бежим из городских оков.
Манят нас загадочные земли
Пестротой племен и языков.

Признавая абсолют момента,
Ночь проводим с кружками в руках,
Но рубахи чистые зачем-то
Мы храним в матросских сундуках.

А пока на корабле надежды
Наши не смолкают голоса.
Полные доверия невежды,
Подставляем ветру паруса.
Тува, 1986

Шуточные стихи участникам экспедиции

Тирану Кибрику

Наш дорогой тиран!
Блюда свое тиранство,
Но в прихотях своих
Не ведай постоянства,
Свое вдруг объяви
Почетное дежурство
И запрети грибы
Из целей самодурства.

Ире Му == Ирочке

Опять воюет немец с русским,
Им тесновато в платье узком.
Но знаем мы: минуют беды –
Дождемся русской мы победы.

Тане

Простую мудрость нам несут
иные книжки –
Своим терпеньем наживешь
не только шишки.

Лёне

Я верю – дядя Степа Вам
В подметки не годится.
Пожар тушить, детей спасать –
Для Лени безделица.

Ракету пустите в полет
Ключами от квартиры.
А вот сумеете ль сдержать
Движенье СуперИры?

Марине

От Вас идет волна тепла и света.
Всегда ли так, иль только в это лето?

Оле

Будь я Каспаров, не сидел
За столиком и день я.
Я б от защиты перешел немедля в нападение.
Но не Каспаров я, не Борг.
Не смотрит на меня физорг.

Люде

Ох, как тянет в тихий омут,
Где живет бесовский люд...
Сладко, сладко чертенята
Мне преЛюдию поют.

Себе любимому (лимерик)

Фонолог один из Москвы
Ломать не любил головы.
Покрутил он глазами
Меж двумя полюсами
И уставился в север Тувы.

СуперИре

Желанья книголюба – словно мошки:
Всему он предпочтет суперобложки.
А нам не нужно Драйзера иль Купера,
Предпочитаем Ирочку – без супера.

Феде

Как видно, близится хана [3]:
И здесь стена, и там стена,
Повсюду рок, а я не маг –
Уж лучше лягу в саркофаг [4].

Мириаде (Мире и Аде)

В гармонии семейной
Я тайны заглянул:
Один открыл девятку,
Другой ее замкнул [5].

Один стоит на месте
У Енисейских вод,
Другой бежит, торпеды
Отслеживая ход

И ощущая цену
Мгновений дорогих

Не могут друг без друга
Среди других других.

Володечке (женским голосом)

Вот если б ты, Володечка
Катал меня на лодочке!
Мне пафос одиночества
Так непонятен твой.
Когда в своей штормовочке
Опять пойдешь на сопочку,
Молю тебя, пожалуйста,
Возьми меня с собой.

Примечания:

[1] Примечание 2000 г. Боюсь, что уже не все помнят, что в то время – в самом начале перестройки – партия и правительство боролись с пьянством, водку и вино можно было купить только по специальным талонам.

[2] Этот текст – краткий реферат небольшой статьи П.А.Троянова «Н.Ф. Катанов – выдающийся востоковед». Ученые записки ТНИИЯЛИ, вып. X, Кызыл, 1963. Весь выпуск посвящен конференции к 100-летию со дня рождения Катанова, проходившей в Кызыле 7 мая 1962 г.

[3] Хана – стена по-тувински.

[4] Федя соорудил себе из парт «спальное место», нору, в которую можно было только заползти.

[5] В турнире по пинг-понгу, в котором участвовало 9 человек, Мира и Адя заняли, соответственно, первое и последнее места.